

Прибрежные воды африканской республики Сомали в плане пиратских нападений считаются едва ли не самым опасным регионом мира. Причиной тому - 20-летнее отсутствие в стране централизованной власти. Впрочем, процесс, закончившийся гибелью государственности, начался еще раньше - в 1970-х годах, когда сомалийское руководство попыталось поиграть в большую политику.

С момента образования в 1960 году независимой республики Сомали амбиции руководителей молодой страны не соответствовали ее скромным размерам. Флаг новорожденного государства украшала пятиконечная звезда, символизирувшая пять частей «расчлененного колониализмом» сомалийского народа. Две части звезды (бывшая британская и итальянская колонии) имелись в наличии, а под тремя остальными подразумевались французское Джибути, эфиопская провинция Огаден и северо-восток Кении. При выяснении отношений между правительствами Сомали и Кении призванные в качестве арбитров англичане решили территориальный спор в пользу кенийцев. Обидевшись, сомалийцы разорвали с бывшей метрополией дипломатические отношения. Естественно, тем, кто порвал отношения с капиталистами-колониалистами, оставался один путь - к коммунистам-интернационалистам. В 1961 году во время посещения СССР премьер-министром Сомали Абдирашидом Али Шермарком между двумя странами было заключено соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве, распространявшееся в том числе и на военную сферу. Правда, в октябре 1969 года Шермарк был застрелен одним из своих охранников, и к власти пришла группа военных, возглавляемая Мухаммедом Сиадом Барре. Один из советских журналистов, находившийся в дни переворота в столице Сомали - Могадишо, следующим образом описывал тогдашнюю обстановку: «Отключенные телефоны безжалостно молчали. У входа в гостиницу - вооруженный патруль под командой лейтенанта. На мой вопрос, что случилось и почему молчат телефоны, последовал четкий ответ... по-русски: "Почта, телефон, телеграф - ленинский план вооруженного восстания. Академия Фрунзе!"». Политика Барре поначалу выглядела вполне революционной: были национализированы земля, нефтяные и страховые компании, иностранные банки. Развернулось строительство перерабатывающих предприятий, существенно вырос выпуск консервированного мяса, молока и текстильных изделий. Наконец, правительство взялось за создание систем бесплатного образования и медицинского обслуживания. В целом за первые пять лет правления Барре успехи в социальной и экономической сфере оказались весьма впечатляющими, что не в последнюю очередь объяснялось помощью Советского Союза. Взамен в 1972 году СССР получил в пользование пункт базирования боевых кораблей в порту Бербера и ряд других объектов. К концу 1977 года один только советский воинский контингент в Сомали вырос до 20 тысяч человек личного состава, притом что были еще и штатские. Советские специалисты участвовали в возведении практически всех новых фабрик и заводов, работали в больницах и школах, занимались эвакуацией населения во время ужасающей засухи 1974 года. Любопытно, что даже сомалийскую письменность создавали наши люди, весьма деликатно взяв за основу латинский алфавит, а не

родную славянскую кириллицу.

Однако лавров Кирилла и Мефодия они так и не снискали, поскольку в 1977 году сомалийское правительство изменило свой курс на 180°.

В США с большим беспокойством наблюдали за тем, как СССР утверждается на Африканском Роге. Но эта тревога сменилась паникой, когда в 1977 году, после борьбы между просоветской и проамериканской группировками в правительстве Эфиопии, победа осталась за ориентированным на Москву полковником Менгисту Хайле Мариамом. Поскольку советские базы находились и на противоположном берегу Красного моря (в Народно- Демократической Республике Йемен), получалось, что путь из Индийского океана в Средиземное море оказывался под контролем Кремля и его сателлитов. Как писал один из советников американского президента Джимми Картера: «Чтобы изменить ситуацию в свою пользу, нам нужно было бы отправить туда армию, но даже Бжезинский был против». Но ведь там уже была армия - сомалийская...

Трудно сказать, какая муха укусила Барре, заставив его двинуть свои войска на завоевание Огадена. По- видимому, определенную роль здесь сыграли провокации со стороны Запада, а также надежда на возможную гражданскую войну в Эфиопии. Так или иначе, но когда в июле 1977 года сомалийские войска перешли эфиопскую границу, Кремлю пришлось выбирать, кто из двух африканских союзников ему дороже. К концу 1977 года Огаден был завоеван на 90 процентов. Результат вполне естественный, если учитывать, что к началу боевых действий трехмиллионное Сомали имело 40-тысячную армию, располагавшую 250 танками и 310 самолетами. Вооруженные силы 26-миллионной Эфиопии состояли из 25 тысяч человек. 120 танков и примерно 100 самолетов.

Из этого соотношения видно не только то, кто именно был агрессором, но и то, кто из союзников в перспективе мог оказаться ценнее. Более развитая христианская Эфиопия с ее древними историей и культурой хотя и находилась в тяжелом положении, но со временем обещала стать одной из ведущих держав региона. В общем, из двух африканских «марксистов» Кремль решил поддержать «товарища Менгисту». Только в сентябре 1977 года в Эфиопию было поставлено 400 танков, 48 истребителей МиГ-21, а также ракетные комплексы САМ-3 и САМ-4.

Сомали, напротив, не получало теперь ничего, и 13 ноября возмущенный Барре потребовал, чтобы советские граждане в течение недели покинули страну, причем все их имущество конфисковывалось. Местные жители восприняли это как призыв к грабежу, что привело к нападениям на наших советников. 20 ноября по приказу адмирала Михаила Хронопуло с десантного корабля «50 лет шефства ВЛКСМ» в столице Сомали Могадишо высадилась советская морская пехота. Горячие африканские головы моментально остыли, и дальнейшая эвакуация советских граждан прошла без эксцессов.

Боевые действия в Огадене между тем развивались своим ходом. Москва отправила туда группу советников во главе с генералом армии Василием Ивановичем Петровым. Кубинцы же перекинули полноценный корпус интернационалистов общей численностью 18 тысяч человек, причем большая его часть уже имела опыт боевых действий в Анголе и Конго. Участвовали в сражениях и контингенты из Йемена.

Барре тем временем увеличил численность своих войск в Огадене до предельной, по меркам его страны, цифры - 300 тысяч человек (10% от численности всего населения). В конце января 1978 года кубино- эфиопские войска успешно провели оборонительные

бои под Харэром и перешли в наступление по направлению к Джиджиге. Сомалийцы закрепились на горном хребте, но кубинский генерал Очоа по-суворовски послал часть войск и техники горными тропами в тыл противника.

Одновременная атака с фронта и тыла, подкрепленная авиационными бомбардировками, решила не только исход сражения, но и судьбу всего Огадена. К 15 марта сомалийцы откатились на свою территорию.

Огаденская драма закончилась. Но драма Сомали еще только начиналась...

Серьезной помощи от США так и не поступило, и Барре оказался во внешнеполитической изоляции. Его попытки опереться на родственников и соплеменников привели к обострению борьбы внутри собственного клана. В Сомали началась полномасштабная гражданская война с массовыми убийствами и истреблением целых селений.

26 января 1991 года Барре на танке бежал из своей резиденции буквально за 15 минут до того, как здание было захвачено повстанцами. Четыре года спустя он умер в Нигерии. В последнем интервью, пытаясь оправдать свои действия, «товарищ Сиад» говорил: «У англичан есть поговорка: “Когда ты делаешь мало, то совершаешь мало ошибок, когда ты вообще ничего не делаешь, то не совершаешь ошибок”». Глядя на оставленное им наследство, поневоле приходишь к выводу: лучше бы он вообще ничего не делал. После падения режима Барре страна стала распадаться на куски.

Сегодня территория Сомали разделена на несколько полугосударственных, племенных и откровенно криминальных образований. Единственные существующие отрасли экономики - животноводство и, разумеется, пиратство. Так что теперь сомалийская проблема, зародившаяся еще в период глобального противостояния Кремля и Белого дома, приобрела новое качество. И теперь всем державам, претендующим на роль полюсов в новом многополярном мире, придется крепко подумать над решением этой проблемы.